5

10 АПР

ГОРЬКОВСКАЯ ПРАВДА
г. Горький

Как мы работаем над пьесами А. М. Горького

☆

Заметки режиссера

☆

Имя А. М. Горького, которое носит театр его родного города, — наша радость, наша гордость. Мы почти каждый год обращаемся к горьковской драматургии, 11 его пьес уже поставлены на нашей сцене.

Началом работы нашего театра над драматургическим наследием Горького следует считать постановку «Мещан», осуществленную в 1926 году ныне покойным народным артистом РСФСР Н. И. Собольщиковым-Самариным, организатором и художественным руководителем нашего коллектива. В советской критике этот спектакль Собольщикова отмечен, как этапный в сценической истории пьесы, ибо впервые на русской сцене рамки семейной драмы были раздвинуты до масштабов драмы социальной.

Борьба отцов—детей стала в спектакле борьбой мещан с теми, кто призван был историей взорвать мещанство. Переосмысление Собольщиковым образов Петра и Татьяны (детей, якобы бунтующих против отца) привело их в лагерь Бессеменова.

Вот этой сплоченной «семейке» и был в собольщиковском спектакле четко и ярко противопоставлен пролетарий Нил и его лагерь.

Укрепляя этот лагерь, режиссер серьезно и внимательно поработал с актерами над фигурами Шишкина и Цветаевой. Наконец, он тщательно разработал путь Поли Перчихиной, и бунт ее против «бессеменовщины» зазвучал в спектакле убедительно и закономерно. Собольщиковские «Мещане» жили в театре около 25 лет и выдержали свыше 300 представлений. Советский театр знает, конечно, сегодня более точно разработанные постановки «Мещан», но это не умаляет значения собольщиковского почина.

Для нашего коллектива этот спектакль определил основной принцип подхода к горьковской драматургии. Поэтому все дальнейшие работы театра над пьесами Горького были основаны на поисках широких социальных обобщений. На этом трудном пути театр знал и успехи и немало поучительных неудач.

Хочется вспомнить постановку «Варваров» в 1942 году, памятную нам и тем, что летом 1943 года мы получили счастливую возможность показать ее военной Москве, тепло обласкавшей наш спектакль.

О чем думали мы, работая над «Варварами»? Взаимоотношения людей «собственнического мира» заклеймены Горьким в этой пьесе, как «варварство». Судьбы людей пьесы переплетены сложно, и каждый из ее персонажей жадно и страстно отстаивает свое место под солнцем, борется, убеждает, настаивает на своем праве на это место. Подличает — кто помельче, кто покрупнее — наносит другим царапины, или даже раны (в том числе и смертельные) и мучится сам... до боли... до крови...

Что это? Драма? Может быть, трагедия?

Нет, говорит Горький, трагикомедия! Почему? Да потому, что трагедии невозможны в мире денег, среди тех, кто поставил рубль своим владыкой и законодателем.

Театру предстояло ставить пьесу без положительного героя. Нужно было разобраться в этом многоголосом человечьем клубке и точно определить свои симпатии и антипатии.

Вот почему показалось очень нужным отыскать в пьесе центральную фигуру— человека, которому где-то (может быть, подспудно) дарит свои симпатии сам автор.

Мы нашли эту центральную фигуру, к судьбам которой и старались приковать внимание и сочувствие зрителя. Это — Надежда Поликарповна Монахова.

Нас не смутила ее смешная обывательская повадка, ее наивность. Нас пленило в Надежде то упорство, с каким она отстаивает в этом смрадном мире свою светлую мечту о герое, о высокой человеческой любви... «которая на всю жизнь». Надежда в нашей постановке окружена пристальным вниманием персонажей пьесы. И вот именно через отношение к ней мы, как нам кажется, этим именно путем вскрыли центральную тему пьесы — тему варварства. Имея этот центр — Надежду, спектакль не распался на ряд сцен и эпизодов, но обрел некое внутреннее единство.

Театр думает и сегодня, что такое построение спектакля достаточно убедительно раскрывает замыслы самого автора.

Мы очень любим «Булычова». Не только пьесу, но... надо сознаться, и свой спектакль. Не могу умолчать об отношении театра к самому Булычову. Напомню, что в 1932 году в Москве, вокруг премьеры «Булычова» в театре имени Е. Б. Вахтангова на эту тему спорили много и горячо. Великий актер Борис Щукин и весь вахтанговский спектакль не скрывал и не смазывал своих симпатий к этому «купцу».

Больше того, нам думается, что не скрывал своих симпатий к Булычову и сам Горький. Именно так и написана им пьеса и фигура центрального героя.

Ставя спектакль, театр наш рассуждал так: сын трудового человека, плотогона — Егор Булычов лбом пробил себе дорогу к деньгам и власти. Дальше можно было бы начать наш справедливый и длинный счет претензий, осуждения и гнева к стяжателю и эксплуататору Булычову. Но в пьесе мы застаем зрелого, глубоко мыслящего человека, который, умирая, словно возвращается к дням своей юности. Человека, который «выламывается» из своего капиталистического класса (да и очень ли своего класса?); человека, всем разумом, всей плотью ощутившего (и с болью ощутившего), что он тридцать лет прожил «не на своей улице»; человека, гневно и страстно клеймящего и громящего эту, ставшую ему ненавистной собственническую улицу и коренных ее обитателей.

Эта жестокая критика капиталистического класса, идущая от своеобразного представителя самого класса (формально Булычов, конечно, капиталист), критика эта достаточно убедительна и сильна — почему и встречает одобрение и сочувствие советского человека. Это одобрение и сочувствие к критике естественно переносится (и не может не перенестись) на фигуру самого критикующего. Особенно, когда это очень правдивый, до предела искренний, яркий и могучий, даже перед смертью, человек — Егор Васильевич Булычов. Театр не мог отнестись к нему по анкетному счету и не скрывает своих мыслей о нем в спектакле.

Размышляя о Булычове, невольно пытаешься отдать себе отчет, чему же научил и продолжает учить нас (актеров и режиссуру) А. М. Горький в сложнейшей области человековедения.

Хочется рассказать о двух актерских удачах, где, по нашему мнению, замысел был правдиво и ярко донесен до зрителя через актерское исполнение.

В «Дачниках» народный артист РСФСР Н. А. Левкоев играет инженера Суслова, в «Варварах» заслуженный артист РСФСР В. А. Соколовский играет акцизного чиновника Монахова.

Этих двух совсем разных людей Суслова и Монахова странно роднит то, что их любовь к женам становится для них мукой, словно бы даже возмездием.

Вот инженер Петр Суслов. В исполнении Левкоева это коренастый, крепко сколоченный человек. На мощной шее сидит квадратная голова. Жесткое лицо и немигающий взгляд холодных глаз. Они всех отрицают — эти глаза. Они пытливо ищут и с удовлетворением находят в каждом его теневые стороны.

Но на кого бы ни смотрел Петр Суслов — он постоянно и пристально следит за своей женой. С кем бы он ни говорил — его мысли с ней и вокруг нее.

Петр Суслов — крупная фигура; удачник в битвах жизни, сложившийся, устойчивый человек. В дни молодости были у него и прекраснодушные замыслы и горячие мечты и речи — все это сегодня зачеркнуто и со злой издевкой втоптано в грязь. Голодная юность компенсирована сегодняшним житейским преуспеянием. Он завоевал право отдыхать и жить весело. И никто не смеет посягать на это его право. Он полный хозяин своей жизни, собственник своей жены, своей городской квартиры и дачи, своего сытного обеда... Он — обыватель? Отлично, говорит он, я — обыватель! Он гордится этим и плюет на всех. Левкоевский Суслов утверждает это так безапелляционно, так агрессивно — его не переспоришь, не собьешь с его мракобесной позиции.

В зрительном зале он вызывает активную ненависть. Эту ненависть никак не снимает то, что Левкоев вскрывает и показывает зрителю и подкладку, изнанку этого плотного, сытого, самодовольного преуспеяния. Оказывается, собственник и развратитель своей жены Суслов — сам стал жертвой своей уродливой, эгоистичной любви к жене Юлии. Эта любовь обернулась ревностью, которую он затаил в себе, до боли стиснув зубы.

Петр Суслов живет в этом аду годами. Кажется, жизнь не могла бы казнить его более жестоко. Но нам совсем не жаль Суслова. В этом победа актера Левкоева и горьковского принципа в театре.

А вот совсем другой человек, хотя, казалось бы, той же судьбы.

Маврикий Осипович Монахов, акцизный надзиратель города Верхополье. В исполнении Соколовского это тщедушный узенький человечек, в черном узеньком сюртучке. На тоненькой шейке худощавое личико. Реденькие волосики, реденькая бороденка... Словно все стерто на этом лице и живут только глаза, в которых нездоровые желания мелкого сластолюбца заволакиваются то тоской, то нестерпимой мукой... Он хотел бы быть пауком (как Суслов) этот маленький, хлопотливый паучок, поймавший в свои дырявые тенета крупную, сильную муху... Его жена — его Надежда — чистая, цельная натура. Ей впору стать рядом с Нилом или Павлом Власовым. И какой прекрасной подругой жизни могла бы она быть.

Сейчас она видит рядом с собой мужа, «противного человека», «покойника» и живет в иллюзорном мире «героев», где любовь «на всю жизнь»... Монахов тоже ревнует, следит, подслушивает. Но его ревность — это драма бессилия маленького человечка, неудачника, оплеванного и измордованного жестокой жизнью...

Этот человечек словно становится каждую минуту на цыпочки. Он хочет дотянуться до высокой любви, которую ищет его Надежда... Но не дано ему дотянуться... В желаниях своих он страстен и взвинчен до предела. В катастрофе своей он до предела стерт и раздавлен этот бессильный человечек.

Все это объяснил Соколовский и сделал это с большим темпераментом. Его Монахов привлекает постоянное и настороженное внимание зрительного зала. Вот он сощурил глаза, и поганенькая ухмылка пробежала по его губам. Он вызывает омерзение...

А вот в черном драповом пальто он приплелся в логово инженеров... попросить их отдать ему его Надежду. Этот жалкий нищий стонет перед «хозяевами жизни»... и становится так горестно за безобразно исковерканную его жизнь, и рождается гнев в адрес безобразного, бесчеловечного собственнического общества, плодящего такие уродливые человеческие судьбы.

Вот финал спектакля — ушла из жизни Надежда. Потрясенный человечек с великим удивлением и испугом вопрошает инженеров: за что же вы, господа, убили **человека?**

И кажется очень закономерным, что именно Монахову отдал Горький эти свои финальные авторские слова, и думается, что такого именно Монахова видел и создавал автор.

В этом победа актера Соколовского и горьковского принципа в театре.

Строя эти (и другие) образы, театр подчеркивает мысли Горького, что в капиталистическом обществе извращен мир естественных человеческих чувств. В этом обществе, где все продается и покупается, нет места ни любви, ни дружбе, ни уважению. Любовь оборачивается мукой, дружба — предательством, уважение — издевкой...

И еще театр подчеркивает горьковскую многогранность характеров и судеб этих характеров, и нашего восприятия этих характеров.

Для нас драматургия Горького — это великий университет обществоведения и человековедения, и учиться у нашего гениального земляка — наша огромная радость и счастье.

Н. ПОКРОВСКИЙ,
народный артист РСФСР, главный режиссер Горьковского государственного театра драмы имени М. Горького.